

И. РЕВАЙ

Кто же прав?

Критик Б. Рейх обвинил драматурга Юлиуса Гая в «искажении действительности». Обвинение опубликовано в журнале «Театр» № 2 за 1941 год. Действительность, во имя которой Б. Рейх нападает на Ю. Гая, — венгерская действительность. Три последние пьесы Гая написаны о Венгрии, изображают характерные для этой страны социальные конфликты и типы; большое место в пьесах занимает венгерская деревня. Эта действительность нам известна, и мы считаем себя вправе выступить свидетелями в той очной ставке, которую Рейх устроил с ней Ю. Гаю.

Рейх пишет больше всего о пьесе «Индюшачий король». Он уверяет, что главный персонаж этой пьесы, помещик Тури, принадлежит к давно прошедшим временам, тогда как действие происходит после войны 1914—18 гг. Следовательно, включает Рейх, Гаю не хватает исторического синхронизма.

В лице Тури Гай изобразил такого помещика, который гордится, что он не торгаш, что его деятельность, как он воображает, определяется ее «полезностью», а не биржевым курсом.

Что за отсталый тип! — восклицает Рейх. Всем известно, что капиталистическое производство — это товарное производство! Любовь к продукту могла быть в венгерской помещичьей среде лишь исключением, так как процесс отчуждения продукта производства достиг в Венгрии полного развития еще в первой половине XIX в. В 60—70 гг. даже самые знатные из помещиков начали отказываться от своих «рыцарских принципов» в делах...

Читатель не верит своим глазам. Что за новость преподносит ему Б. Рейх?

Какое отношение имеют все эти рассуждения об «отчуждении», о «любви к продукту» к пьесе «Индюшачий король» и образу Тури? Ровно никакого!

«Отчуждение» продукта производства никак не влияло на идеологию и психологию богатых землевладельцев ни до, ни после 60-х гг., ни в XIX, ни в XX вв. Зачем же применять сюда не относящиеся к делу фразы из учебника политэкономики?

Откуда эта путаница? Ее источник — это подмена вопроса о феодальных пережитках в мыслях и чувствах персонажа вопросом о связи между производителем и продуктом его труда. Смысл тирады Б. Рейха об «отчуждении» таков: венгерский помещик уже превратился давным-давно в обыкновенного капиталиста. Это утверждение абсолютно неверно. Оно показывает, что Рейх совершенно не знает, какое значение имеют для Венгрии пережитки феодализма. Он даже умудрился в своих пространственных рассуждениях об истории венгерского помещичьего владения не сказать об этих пережитках ни слова. В действительности дело обстоит так: почти половина всей земли принадлежит в Венгрии горстке богатых помещиков-дворян; «власть земли» играет там большую роль, ее далеко еще не уничтожила «власть денег».

В пьесах Гая («Иметь», «Индюшачий король», отчасти в «Распродаже») борьба за землю образует социальный фон действия и материальную основу драматического конфликта. Этот выбор объекта свидетельствует о реалистическом чутье писателя. Именно то, что кажется Рейху в образе Тури нетипичным, как раз и есть удача драматурга, верно нашедшего типический характер. Тури — полупфеодальный помещик, «патриархально» эксплуатирующий народ. Однако он обманывается и сам, воображая, будто сохранил патриархальную независимость от капитала. Под ударами международного аграрного кризиса, теснимый своими «подданными», которые начинают бороться за свои права, он вынужден признать, что его независимость была иллюзорной, утратить веру в нее.

Гай подчеркивает, выделяет патриархально-феодальные черты в характере Тури. Для чего? Для того, чтобы представить роль феодальных пережитков в изображаемом обществе в наиболее естественной, полной, типичной форме. Для того, чтобы драматический конфликт с наибольшей ясностью выразил социальный конфликт — всю историческую нелепость и внутреннюю гнилость режима, оставляющего власть в руках полупфеодальных помещиков.

Мы не беремся определять, какие личные качества позволили критику написать, будто сам Юлиус Гай разделяет идеологические взгляды Тури. Определим только самый факт: приписывая Гаю такую точку зрения, Рейх вводит в заблуждение читателей. На самом деле Гай разоблачает «патриархальность» Тури и в его отношениях с батраками, и в его столкновении с международным капиталом. Тури — не трагический «герой», а трагикомическая фигура.

Рейх подозрительно прищуривается. А гонится ли вообще для драмы, спрашивает он, такой тип, как Тури — помещик,

желающий удержать старые патриархальные отношения? Выбрав такой характер, Гай сочинил совершенно несвоевременный драматический конфликт. Перенеся его на современность, он этим исказил действительность!

Что ж, такие разговоры не новы. И прежде были люди, отрицавшие наличие феодальных пережитков в Венгрии. Причем они также ссылались на то, что помещики капитализировались, а страна вовлечена в мировую экономику империализма. Повидимому, т. Рейх недалеко ушел от этих горе-политиков. Если господствует капитализм, значит, «несовременно» интересоваться полупфеодальными отношениями!

Если господствует империализм, значит, не надо изображать столкновение одной из эксплуататорских групп с силами международного капитала, — эти группы ведь «нетипичны»!

Наше время — время острых классовых боев, значит, не следует изображать неразвитые ступени классовой борьбы, это будет «искажением действительности»!

Вот так-то Рейх пускает в ход термины «капитализм», «империализм», «классовая борьба», лишая их реального содержания и закрывая глаза на сложность социально-политических отношений в современном капиталистическом обществе.

Батраки в «Индюшачьем короле» только высекли помещичьего агента; для Рейха это лишнее доказательство «анархизма» Гая, неумения Гая найти «типическое» в эпохе «острых классовых боев». «Нетипичен» для Рейха и пастух Имре, забытый, голодный парнишка, воспитанный в послушании и подчинении, восстающий против помещика только в мечтах. Рейх знает, что в Венгрии помещики и жандармы держат крестьян в железных тисках; но Рейх требует, чтобы писатель не изображал заботы и рабской психологии, которые встречаются в крестьянской среде, — иначе будет «нетипично»!

Б. Рейх забыл, что в одном и том же классе есть много различных социально-человеческих типов. И Петраш и Имре — народные типы; и циничный делец Општан («Распродажа») и Тури с его «патриархальными» иллюзиями — типы помещиков. Загнивание и распад эксплуататорских классов порождают множество характеров, по-разному выражающих распад идеологии, психологии, морали. Всего этого не замечает Рейх, потому что он только и умеет твердить слово «империализм», отворачиваясь от реальных явлений империализма, даже когда ему на них показывают палец.

Свое непонимание реальной действительности Рейх показал яснее всего в «критике» пьесы «Иметь». В этой пьесе показана крайняя ступень вырождения, до которой доходит крестьянка в венгерском селе, со всех сторон зажато латифундизмом. Страшный земельный голод патологически обостряет собственные чувства. Рейх, не задумываясь, пишет, что события, изображенные в этой драме, имеют, мол, «лишь очень далекое отношение к нашей действительности». Одицаие людей, искалеченных собственническим строем, для него тоже, оказывается, «устаревшая» проблема.

О, товарищ Рейх! Вы беретесь критиковать «с марксистской точки зрения» и даже не читали того, что говорил Ленин об империализме, в котором старые капиталистические противоречия не только не смягчаются, но колоссально обостряются. Вы беретесь говорить от имени самой действительности и не знаете, что в поселеванной Венгрии земельный голод (даже в частичном уменьшении которого закрыты все прежние пути) принял ха-

рактер неслыханного бедствия и вызвал в деревне рост сектантства, аскетизма, падения рождаемости. Знаете ли вы, что в современной Венгрии возникла целая литература о так называемой «немой революции» в деревне?

Человек, который бравирует знанием венгерской жизни, должен бы знать, что впадение деревни в варварство связано в сильнейшей мере с наличием феодальных пережитков. Они создают ту удушающую атмосферу, которая так верно изображена в пьесе «Иметь». Эти пережитки включаются в общую систему империалистического загнивания, и, показывая их, Гай показал реально существующий тип «влияния империализма на человеческую психику».

До 1914 г. такую пьесу нельзя было написать. Гай пишет о современной ситуации. Он показывает полнейшую неспособность современного капитализма справиться с важнейшей проблемой — земельной проблемой. Он показывает, на какие муки это обрекает миллионы крестьян, как искажает это всю их материальную и духовную жизнь. Гай показывает весь ужасный и отвратительный облик гниющего старого мира. Рейх же глядит на эту реалистическую картину невинными глазами и спрашивает: а где тут империализм?

Драматургия Гая имеет значение не только для Венгрии. Образы людей, конфликты его пьес служат как бы иллюстрацией к тому положению господствующих классов, о котором говорил Ленин, — они уже не могут жить по-старому. Почва под их ногами колеблется, они теряют веру в свою прочность и силу, распад капитализма проникает в различных формах в психику самих капиталистов.

Определяющим фоном, на котором только и становятся окончательно понятными проявления распада в людях из господствующих слоев и колебания людей из слоев промежуточных, средних, является в пьесах Гая борьба народа против его угнетателей. В этих пьесах народная борьба не занимает первый план, не является главным объектом изображения. И все же всякий зритель поймет, что именно она, народная борьба, — главная идея пьес, их главное содержание.

Рейх пишет, что представители народа у Гая — только «эпизодические фигуры». Но он не понимает, в чем тут дело.

Рабочие, крестьяне, коммунисты не могут быть главными персонажами в пьесе о буржуазном распаде; но поступки и мысли этих персонажей ясно показывают, что именно эти люди — главные герои в жизни. Дialeктика драматического действия приводит к тому, что это яркое жизненное чувство превращает тему «эпизодических персонажей» в основную тему драмы, а все действие, идущее на первом плане, — в фон для народной борьбы. Такие «главные фигуры», как старый священник в «Иметь» и даже Белла (главная женская роль «Распродажи»), могли бы вовсе отсутствовать в пьесах; это изменило бы, но не разрушило бы всего драматического построения. Но попробуйте вычеркнуть «эпизодические фигуры» рабочего Фоти в «Распродаже», Петраша и Юппи в «Индюшачьем короле», батрака Розы в «Иметь» — и рассыплется вся драматическая фабула.

Вот что такое современный капитализм, против которого, в условиях которого народ ведет свою освободительную борьбу! Так можно определить в самой краткой форме основной смысл драматургии Гая. И этого истинного ее смысла, ее действительного значения не скроют от советского читателя и зрителя никакие псевдоученые домыслы Б. Рейха.